

MUR

Алексей Миллер

16+

Алексей Миллер

Мир

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Миллер А.

Мир / А. Миллер — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Роман "Мир" — это фантастика и любовь, практически детективный, непредсказуемый сюжет. Алексей Миллер быстро погружает читателя в продуманный до мелочей футуристичный мир "оппозиционеров" и "рационалов", заставляет почувствовать себя человеком со встроенным в мозг "провизором" и одновременно сопереживать, задумываться, искать аналогии с окружающей действительностью и каждый раз удивляться, обнаруживая, что следуешь за автором по новому неизведанному пути. И вместе с главным героем стремишься сначала к свободе, затем - к любви, а после - к самоидентификации, таящей в себе множество сюрпризов.

© Миллер А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Преданность, уважение, верность, любовь – что-то безнадежно утерянное в нашем мире, и мы готовы на все, чтобы вновь испытать это. Нет худшей болезни, чем плясать под чью-то дудку, принимая навязанное за собственное и искреннее. Мне повезло. Да, я один из миллионов, кто испытал... любовь.

Любовь на самом деле – жуткое чувство. Если оно неуправляемо, то может сжечь человека дотла. Будучи столь прекрасным, способным изменять к лучшему, имея возможность создавать шедевры, толкать к открытиям, раскрывать все лучшие потайные уголки души, о которых человек может и не догадываться, оно иногда доводит сосуд жизни до опустошения, вытягивая все соки жизни, оставляя грязно-серое существование. Это чувство неуправляемо. Оно может сыграть очень злую шутку, когда ты теряешь контроль и полностью ему отдаешься. Это уже не ты. Любовь играет по правилам, которые удобны ей. Ей нужна энергия. Энергия жизни.

Не всем дано любить. Никому почти не дано. Рационалисты говорят, что это чувство – выдумка. И они оказались правы. А оппозиционеры ошибались, хоть и доказывали обратное.

Я не ошибся в выборе. Но финал печальный. И мне уже не быть счастливым человеком, никогда. И я ведь с самого начала знал, что все не так, что я иду неправильным путем. Но верил. Надеялся. Мне давали надежду. Нагло ввали в лицо. Но я-то не знал тогда правды. Но, что самое ужасное, если бы и знал, ничего не поменял бы. Меня так сильно пленили чувства, я был так опьянен, что перед глазами стояла пелена, которую никто не был способен сорвать. Слова летели мимо, доказательства казались ложью. Да и вообще, чувствующий человек, да, именно человек, не способен различать правду. Я растворился в своих эмоциях, придумывая себе неисполнимое будущее.

Пойду. Меня ждут. Возможно, я смогу еще когда-нибудь что-то сказать. А, может, буду овощем, который не способен будет сходить в туалет без чьей-то помощи, или умру. Я не испытываю страха. Я решил: высочайшая цена оправдана.

Я хочу оставить небольшую запись. Возможно, она кому-нибудь пригодится, заставит сразу трезво посмотреть на жизнь, и тогда все поймут то, что мы... Нет, об этом позже.

Все знают, что я заблуждаюсь, ведь понять, что земля крутится вокруг солнца, а не наоборот, можно только уже зная об этом заранее, и лишь избранные способны к такому открытию, основываясь на сильном интеллекте и наблюдениях. Жаль, что избранные больше не живут в нашем мире. Вы не поверите, конечно же, но в мире вообще нет ничего правдивого, кроме слов, которые вы читаете и плюетесь, думая о моей завышенной самооценке. Дочитав до конца, можно принять все или нет, но истина от этого не изменится.

Меня зовут Виктор. Я был самым обычным человеком, возможно, более посредственным, чем остальные, без особых амбиций. Жизнь сделала из меня полное ничто. Теперь я полностью растворился в пространстве, и во мне ничего не осталось, кроме этой ужасной, но в чем-то прекрасной и сурово правдивой истории. Я, наверное, плохой писатель. Никогда не думал, что решусь написать что-то. Да и кто сейчас вообще пишет? Архаичные действия. Да никто и не читает – уже лет пятьдесят, наверное – ничего длиннее рекламных слоганов.

Я родился в семье прожженных рационалистов, мне прививали идею о том, что только логика и упорядоченные действия способны спасти мир. Они были правы. Если бы не движение рационалистов, мир развалился бы на куски и погряз в пучине террора и войн. Моя семья была скупа на эмоции. Дед – член международного объединения конформистов. Именно конформисты выработали позиции смирения и принятия жизни такой, какая она есть. Уже

после конформисты эволюционировали в рационалистов, которые своим краеугольным камнем называли четкую логику и отсутствие чувств. Не важен процесс, важен только понятный результат, достигнутый известным путем.

Ох, что было бы в мире, если бы не они? Террор разросся бы повсюду. Под эгидой борьбы с ним сильные мира сего начали перекраивать карту мира, пытаясь оставить свое имя в истории. Интересы людей были поставлены на последнее место. Для правителей, одержимых лишь желанием тотального контроля, мир стал большой шахматной доской. К счастью, в какой-то момент стало ясно, что контроль полностью утерян, у правительств не осталось рычагов влияния, и даже самые сильные лидеры вынуждены признать свою беспомощность. Обычные люди готовы были отдавать жизни, лишь бы обрести потерянную свободу. Тоталитаризм вперемешку с разрастающейся анархией довел до того, что ресурсы не приумножались, а уничтожались, чтобы они не достались другим. Целые города вырезались, если они не готовы были согласиться с той идеологией, которую им навязывал местный князь. Заводы взрывали, чтобы не отдавать врагу, реки травили, леса жгли.

Человек стал человеку волком. Несмотря на введенный везде полицейский режим, улицы были опасны: не чужие, так свои готовы были убить за слово. Люди предпочитали сидеть по домам, чахли и деградировали. Искусство, литература были погребены в далеком прошлом. Работать никто не хотел, ведь роботы и так обеспечивали минимально необходимым набором материальных благ. Духовное воспитание катилось к черту.

Именно тогда рационалисты написали свой свод законов, который оказался по душе большей части населения. История путается в том, как именно закончилась «черная эпоха». До сих пор есть много нестыковок, но об этом не принято говорить. Результат важнее. Постепенно конфликты закончились.

Лишь небольшая доля людей не готова была принять «роботизацию» человечества, отказ от свобод и права выбора. Лидеры оказались умнее, осознав, что бороться с этим оппозиционным движением бесполезно. Рационалисты выделили им специальные зоны, в которых не работали новые законы. По сути, там можно было делать, что хочешь! Был заключен мирный пакт, что новое единое правительство не будет навязывать им свои ценности, а бунтари, в свою очередь, будут сохранять мир и не мешать жить людям в рационалах. Была также достигнута договоренность, что каждый человек вправе сам выбирать, где ему жить, и имеет право пересекать границу, полностью подчиняясь правилам того места, где находится. Рационалисты закрутили гайки, и попасть к ним стало не так-то просто. Оппозиционеры не требовали абсолютно ничего. Романтика свободы тянула в свободные зоны все больше и больше молодежи из рационалов, со временем сформировав окончательный вид оппозиционеров как единой зоны. Так и прижились названия. Оппозиционеры – выделенные сектора оппозиционеров, которые со временем все же написали свои законы, намного более путанные и дающие больше шансов проявить себя и свои чувства. Появилась и армия роботов, как у рационалистов. Конфликты полностью закончились, и мир наконец обрел долгожданное спокойствие. Уже четверть века все люди имеют право перемещаться между зонами по всей планете. Государственные границы стерты, есть только оппозиционеры и рационалы – объединенные зоны рационалистов.

В общем, если говорить кратко, меня воспитывали в полной гармонии, прививая порядок во всем. С детства мне доказывали, что эмоции и свобода воли несут разрушение. Себе и окружающим. Я верил. Ведь так просто жить и делать все, что говорят. А можно и ничего не делать, но получать бесплатный ежемесячный набор самого необходимого. Иногда даже вставать с кровати не было смысла. Передашь пару мыслей по провизору, получишь в ответ пару фильмов, несколько сообщений от приятелей, и рекламу на закуску – прямо в недра мозга.

Потом погрузишься в канал, транслирующий производство новой модификации самолета. Ты переживаешь все: жар цехов, холод ветров, жуткий гул турбин, но находясь на месте. Весь мир в твоей голове! Больше ничего не надо. Так я и жил. Скорее, существовал.

В двенадцать лет я испытал шок, когда старшая сестра Лейла, которой было всего шестнадцать лет, сбежала в оппозицион и не вернулась. Мы, по крайней мере, знали, что она жива. Иногда она посылала матери скупые сообщения, пытаясь скрыть в них эмоции.

Зачем она это сделала? Тогда я никак не мог этого понять. Как можно променять идеальную жизнь на безумие? Я слышал о других людях, которые сбежали. Кто-то возвращался, кто-то нет. Отец уверенно твердил, что в оппозиционеры переезжают только психически больные люди. О сестре он молчал. Эта тема стала запретной в нашей семье. Мы как будто забыли, что она когда-то существовала. Нерационально переживать за дочь-предательницу.

По прозиметру всегда показывали, что в оппозиционах все гораздо хуже: сплошная грязь и нищета. Люди вынуждены даже попрошайничать, чтобы поесть! Это невозможно было даже представить в ситуации, когда пищи и материальных благ было абсолютно достаточно, и даже больше, чем нужно. Машины могли бы обеспечить пропитанием в пять раз больше людей, чем было на планете! Так как можно голодать-то? Говорили также, что в оппозиционах происходит много убийств: из-за того, что долго живущие там люди становятся животными и теряют свое лицо. Беззаконие, наркотики...

Однако я знал, что мама в молодости несколько раз посещала оппозиционеры, и даже как-то сказала в гостях у подружки, что хотела бы туда еще раз. Отец жестко отругал ее за такие мысли. Мать сразу осеклась, осознав свою оплошность, после чего я уже ни разу не слышал от нее ничего подобного.

В отличие от некоторых сверстников, я никогда даже не фантазировал о поездке в оппозиционеры, особенно помня поступок сестры и то, как холодно это пережили в семье. Меня реально все устраивало. Конечно, в формате экскурсии мне было бы интересно побывать там, но не более.

В юности я вступил в клуб юных послушников, так как из них брали в армию законников, а потом – и в правительство. А там – просто благодать. Огромные дома. Пятиканальные прозиметры с автовосприятием мозга. Я даже представить не мог, каково это: сразу впитывать мысли пяти людей одновременно, и все четко различать. Обычным гражданам такое могло только сниться. Два-три канала и то сложно было достать. Пожалуй, рационалисты вообще могут заставить себя работать только для того, чтобы получить прозиметр получше. Остальное уже есть – бесплатно и в избытке.

Мне, честно, было даже не интересно, как живут оппозиционеры. Выбрали хаос – это их дело. А мне и дома было хорошо. Даже поступок сестры, вызвав интерес и удивление, не смог создать во мне желания покинуть границы родного рационала. Зачем? Меня любили мать с отцом, и особенно сильно – после предательства сестры. В школе меня уважали. Да, я еще успел поучиться в школе, пока система образования окончательно не перешла на передачу информации по прозиметрам. Хотя и тогда это было скорее хобби, чем что-то стоящее.

Мне очень хорошо лежалось на моем любимом диване, я лишь иногда протягивал руку, чтобы дотянуться до стакана с соком, который принес домашний робот. Диван. Сейчас я вспоминаю о нем с упоением. Диван. Диван. И на что я променял тебя? Ха-ха.

Так шла обычная спокойная жизнь молодого парня в рационале. Возможно, я был даже более спокойный, чем многие сверстники. Взрослые мне прочили за это великое будущее. Хотя категория величия была неприлична в мире рационалистов. Мне все нравилось. Немного учебы, немного прогулок, чтобы окончательно не атрофировались мышцы, даже немного живого общения. Все было хорошо.

Возможно, так все и продолжалось бы, если бы однажды, несколько лет назад, я не увидел Лейлу на выставке, куда пришел к друзьям, которые занимались разработкой ультрапортативных летательных аппаратов. Такие пользуются спросом в рационалах. Выглядят как портфель, но стоит нажать кнопку, и они способны поднять тебя на сто метров и со скоростью до двухсот километров в час нести в любую точку мира. Технология старая, но размер устройства меньше. Кардинально нового давно уже ничего не изобретали. Незачем.

Я сидел на кресле и о чем-то болтал, когда увидел ее. Она увлеченно беседовала с представителями другой компании, предлагающей аналогичные устройства для полетов. Одетая она была в шорты – для рационалки короткие до неприличия – и синюю футболку. Она сильно изменилась. Я в какой-то момент подумал, что ошибся, но, когда наши взгляды пересеклись, понял, что это она.

Я долго смотрел на нее издали, не решаясь подойти. Какая-то детская обида на нее засела во мне и не давала сделать шаг. Для меня она была предательницей, бросившей нас. «Интересно, она поняла, что я ее брат?» – крутилось у меня в голове.

Я попросил друга подойти вместо меня. Да! Обиженный мальчик. Таким я тогда был. К счастью, друг справился с поставленной задачей на отлично, и через пару минут они вернулись вдвоем.

– Привет, Виктор! – улыбнулась она мне. Она изменилась, стала взрослой девушкой. – Рада тебя видеть.

Я долго не мог найти, что ответить. Я был зол на нее, но в то же был безумно рад ее видеть.

– Лейла, что ты делаешь в рационалах? – пробормотал я так, что было сложно разобрать мою фразу.

Она улыбнулась, потупила взгляд, как будто ей вдруг стало стыдно, но продолжила говорить тем же звонким голосом, который я любил в детстве, когда она играла со мной:

– Я работаю в компании, которая продает свои товары в рационалах. Приехала в командировку на несколько дней. Как ты? Стал такой взрослый. Мать пересылала твои видео. Но в жизни ты еще лучше, – она говорила и говорила, я лишь изредка кивал головой и поддакивал. Она стала такой общительной и живой. В рационалах люди так себя не ведут.

Лейла рассказала, что регулярно общается с матерью. Они даже виделись несколько раз, тайне от отца, для которого, казалось, Лейлы больше не существует. И искала способ встретиться со мной.

– Это послание свыше, что мы с тобой здесь случайно встретились. Мне хочется тебе столько всего рассказать. Приезжай в Петербург, теперь я живу там, познакомлю тебя со своим мужем. Можешь остановиться у нас.

– Спасибо. Я подумаю. Но, если честно, меня совсем не тянет в оппозиционеры, особенно в Питер, где люди окончательно потеряли всякий стыд, – я пытался сохранить свою отстраненность, но чувствовал, что с каждым словом прощаю ее все больше. – Я подумаю и сообщу тебе.

– Отлично. Надеюсь, скоро увидимся.

На этом и закончилось наше с ней общение, первое после долгой разлуки.

Очень скоро я уже был в Петербурге, гулял по новому городу, выросшему за последние тридцать лет на северном берегу Финского залива. Питер, город с населением более чем в пятьдесят миллионов человек, своими широчайшими и длинными проспектами казалось, раскинулся на полпланеты.

Санкт-Петербург. Столица. Конечно, формально столицы у оппозиционеров нет. В каждом регионе есть свой центр, в котором сконцентрированы функции управления. Но негласно Петербург является крупнейшим из всех городов и самым свободным. А после появления возможности управления погодой он вообще стал очень комфортным местом для жизни.

Петербург мне сразу очень понравился. Не было ожидаемой разлуки. Мне он показался даже более богатым, и уж точно более ярким городом, чем виденные мною ранее. Невероятно большой, контрастный, модный.

Интересное сочетание истории и современной культуры. Это проявлялось во всем: архитектура, развлечения, музыка, уклад жизни. Этот город никогда не спит. Каждый найдет в нем что-то для себя – свое, особенное.

Попав туда, я словно проснулся от долгого сна. Я мог заниматься, чем хотел, не заботясь о том, что подумают другие. Мог есть самые разнообразные блюда. Здесь даже отношение к еде другое. Рационалисты едят с целью удовлетворения своих физических потребностей, оппозиционеры – ради наслаждения вкусом, процесса. Здесь не стыдно сказать, что ты голоден.

Это самое главное, что бросается глаза. Люди могут говорить свободно все, что хотят, без оглядки на мнение окружающих, а часто – для того, чтобы услышать чью-то позицию, подискутировать и поспорить. Люди не избегают ссор, а пытаются найти совместное решение.

Мне сложно было привыкнуть думать. Ведь дома для всего существуют отработанные алгоритмы. Если ты не знаешь ответ, компьютер, встроенный в провизор, подскажет тебе его. Минимум творчества. Максимум исполнительности. Человек стал винтиком в системе машин.

Это я понял только в свободном мире: я чувствовал, что нужен этому миру, что привношу в него что-то свое, особенное. Поступки и мысли стали более хаотичными, но из этого хаоса, как оказалось, могут родиться чудесные решения. Я никогда раньше сам ничего не писал. На все были заготовленные тексты. Это касалось и музыки, и кино, и развлечений. Моя жизнь сводилась к выбору оптимального для меня решения. Будучи свободным, я могу сам писать сообщения, даже мысли здесь свободные, и ты не всегда понимаешь, чего хотят от тебя другие люди.

В Петербурге бросалось в глаза, что почти четверть населения города – как и я, родом из рационалов, переехали на время и не хотят возвращаться обратно. Все они твердят: «Я больше не хочу становиться роботом. Здесь сложно, но я чувствую себя живым».

В оппозиционах рационалистов встречают с радостью. У многих из них хорошее образование, они спокойные. Больше половины служителей закона – рационалисты. Именно благодаря миграции большого числа людей из рационалов в оппозиционах наступила пора спокойствия, хоть и не везде. Различные оппозиционы имели очень сильную автономию, свои законы, и их подчинение центральной власти во многих случаях было условным.

Я провел в этом городе три дня, которые произвели на меня неизгладимое впечатление. Никогда до этого мне не было так весело и интересно. Воображение молодого парня навсегда было пленено блеском свободной жизни.

Я решил прямо поговорить с родителями, рассказать, что хочу переехать в оппозицион. Около недели я собирался с духом, учитывая, что эта тема в нашей семье была под запретом.

К моему величайшему удивлению, отец даже не стал меня отговаривать:

– Что там делать? Огромный город, высокая преступность и полный хаос.

Мать же заняла мою позицию, возможно, она уже пообщалась с сестрой или просто почувствовала, что спорить со мной бесполезно:

– Там ужасные условия для жизни. Но, наверное, тебе надо пройти через это, чтобы ты наконец начал ценить то, что имеешь.

В конечном результате семейный совет пришел к выводу, что год-два жизни вдали от родителей пойдут мне на пользу.

Неделя на сборы – и от дома меня уже отделяли высокие стены. Преодолимые, но только физически. Психологически они навсегда отстранили меня от спокойной размеренной жизни, от прогнозируемого светлого будущего.

Это было первое мое решение, самостоятельное, никем не навязанное – ни родителями, ни обществом, ни вечно жужжащим провизором.

В первый день, зайдя в маленькую квартирку, напоминавшую конуру, которую в рационалах не посчитали бы даже за жилье человека, я все равно испытал чувство свободы. Одиноко, тяжело, но как-то спокойно. Я был в мире, который обещал мне бесконечные приключения, новации и общение. Я, как никогда раньше, жаждал знакомиться с новыми людьми, узнавать новое. Странное, не присущее мне ранее ощущение.

Все было по-другому: по провизору пытались передать огромное количество информации. В рационалах это считается пиратством. За такое сажают в тюрьмы. Здесь же это в порядке вещей. Захар, новый приятель, с которым меня познакомила Лейла, сказал, что нужно постоянно устанавливать обновления, чтобы хакеры не могли поймать код. Займусь на следующей неделе. А пока хотелось просто полежать и привести в порядок мысли. На стене висит 3D-панель с проектором. Наверное, этой технологии лет пятьдесят, и в рационалах ее можно увидеть только в музеях технологий или у коллекционеров.

Включаю. Идет какой-то совсем старый фильм. Понятия не имею, как называется. С синими существами, похожими на людей. Я выпил дешевого пива и стал погружаться в свой новый мир.

Старая некрасивая картинка с людьми, которые перемещали свое сознание в синих аватаров, вызвала у меня улыбку. Главный герой решил остаться в новом, чужом для себя мире, но который подходил ему намного больше по его духовному состоянию.

В тот момент я не был на сто процентов уверен, что смогу долго прожить в оппозиции. Но внутреннее чувство мне подсказывало, что я наконец-то дома. Даже воздух здесь мне нравился. Настоящий, без добавления ароматизаторов, и вода была обычной, без витаминов. Чтобы здесь приготовить себе еду, нужно было серьезно запариться. Даже овощи можно было купить нечищенные и не нарезанные. Вызвать робота-повара было тоже не так просто. В районе, в котором я поселился (и который считался довольно престижным) робота по заказу можно было ждать до получаса. С ума сойти! В рационалах за такое убили бы. Пять минут – это максимально возможное ожидание. И я чувствовал от этого невероятное удовлетворение.

В отличие от рационалов, в оппозициях было принято ходить на работу. Мне повезло. Крупное агентство по анализу развития рационалов уже через неделю готово было взять меня в штат. Несмотря на низкую позицию, они предлагали очень достойную заработную плату. Я бы сказал, что получал намного больше, по сравнению с большинством, которые там жили. Работа была несложная, но каждый день я подолгу задерживался и уходил домой всегда один из последних. Дома меня никто не ждал, а в офисе мне нравилось. В рационалах давно уже потеряло актуальность физическое присутствие на работе. Либо выполняешь задачи по провизору, либо ходишь на встречи через 3D-сканер. А рабочее место – дома. Здесь, несмотря на наличие тех же технологий, очень важно было ездить в офис. Это не всегда было обязательно, но очень ценилось. Да и людям нравилось намного больше. Необязательно было работать шесть часов

подряд. Можно было в любое время выйти на улицу – не только в обед, и болтать, обсуждать свою жизнь. Здесь все было по-другому. Человек был индивидуален, не являлся винтиком в огромной машине, как это было в рационалах, где у каждого есть только одна функция, и, если он плохо выполняет ее, его с легкостью меняют. Там его не бросают на произвол судьбы. Даже сломанные детали живут очень хорошо. Но бесцельно, безыдейно.

Я начал понимать, почему лучшие разработчики, трудящиеся над новыми технологиями в университетах и лабораториях в рационалах – выходцы из свободных территорий. Хотя это предположение и не верное, но понял я это только сейчас.

Я решил научиться писать ручкой – мастерство, безвозвратно забытое в рационалах. Какой смысл писать, когда можешь по провизору передать на компьютер любой текст? Здесь же это мастерство воспринимается как искусство. Курсы по каллиграфии, пению, изучению умирающих языков – все нацелено на развитие личности, а не на поддержание псевдо-необходимой стабильности. Рационалисты, потерявшие возможность воспитывать гениальные умы, имеют достаточно денег и материальных ценностей, чтобы скупать свежие идеи у оппозиционеров.

И это я стал понимать, только переехав в свободные земли. Свобода – это не только бары, полные всевозможных видов алкогольных напитков, анархия, грязь на улицах и разруха в умах. На самом деле этот разброд и шатание – путь к созиданию, открывающий дорогу в будущее, полное неизведанного и нового.

Окружающим было достаточно только взглянуть на меня, чтобы понять, что я не местный. Как говорили, это видно было даже по походке, взгляду, и тем более по манере говорить. Но как личность, бросившая свою спокойную жизнь, я был им интересен. Хотя таких, как я, было и немало, чужаки всегда привлекают к себе особое внимание. Здесь, наоборот, люди пытались уехать в рационалы в поисках спокойной богатой жизни. Может, благодаря этому я быстро сошелся с коллегами на работе, которые пытались показать мне новый для меня мир.

Большой вклад в мою ассимиляцию вносил Захар. Обладая приятной внешностью и весьма нетривиальными творческими навыками, он каждые выходные водил меня в новые места, знакомил с интересными людьми, и я все больше и больше погружался в культуру свободных земель.

Время шло, я работал, отдыхал. Я стал много обещаться с Лейлой, понял ее поступок, но простить в душе до конца так никогда и не смог. Она, как классическая рационалка, была очарована молодым человеком, членом какой-то секретной правительственной организации, который попросил ее принять участие в специальной операции и внедриться в общество оппозиционеров, чтобы тайно следить, собирать сведения о террористах, которые планируют акции против «империи стабильности». Одним из условий был немедленный переезд и прекращение отношений со всеми, кого она ранее знала, во имя безопасности последних. Она поверила, и к моему удивлению, не изменила своего мнения и впоследствии, и бросилась служить обществу.

Прожив несколько лет в другом мире, сначала чуждом ей и неприятном, она рассталась с молодым человеком, завербовавшим ее, но в оппозиционе решила остаться. Ей не хотелось возвращаться назад. «Мне было стыдно перед родителями, перед тобой. Я не имела права на спокойную жизнь после такого поступка. Я слишком много знаю, чтобы жить спокойно. Потом я привыкла, Питер стал для меня родным местом. Здесь люди честнее. Поверь, ты тоже здесь быстро приживешься», – говорила она.

Лейла никогда не рассказывала, в чем именно заключалась ее секретная служба. Я не настаивал, думая, что, когда придет время, она все раскроет. А сейчас этого уже и не надо, я сам все понял. Но не буду забегать вперед.

Она стала для меня своего рода подругой, другом, которому я мог поплакаться, когда все плохо, и с которым можно весело провести время, когда скучно. Но по-настоящему близкими в духовном смысле мы так и не стали.

Помимо Лейлы и Захара, у меня стали появляться другие друзья. Только в этом мире я осознал истинный смысл этого слова, понял, что дружба – это нечто очень многогранное, сопряжённое как с доверием, так и с предательством. Но что мне больше всего нравилось: не нужно было надевать маски, а с близкими людьми можно было вести себя по-настоящему, быть собой.

На работе моя карьера постепенно шла вверх. Руководство ценило. У меня было довольно много времени, чтобы заниматься своими делами, тусоваться и встречаться с девушками.

Я пробовал все новые и новые эмоции. Это привело к тому, что обыденная жизнь для меня становилась безвкусной и пресной. А для новых, более ярких развлечений требовалось все больше денег.

Через пару лет жизни в оппозиционе я понял, что тех средств, которые зарабатывал, мне стало катастрофически не хватать. Я вел вполне приличный образ жизни, имел всего в достатке, но без излишков.

Еда, алкоголь, путешествия, жилье и тряпки – все было, и приличного качества. Я жил лучше, чем семьдесят процентов окружающих меня людей. В оппозиционах очень чувствовалось расслоение общества. И здесь существует постоянная тяга быть лучше остальных, чувство, которое атрофируется в мире рационалистов. Мне уже было недостаточно быть средним. Я хотел больше, выше, интереснее.

Отчасти я объяснял это желанием создать шикарные условия для девушки, когда найду ее – свою единственную и неповторимую. Но, конечно, это всего лишь оправдание. В каждой точке жизни в оппозиционе я пытался рационально обосновать свое желание стать богаче: для себя, для того, чтобы создавать спокойно новое, без забот о пропитании (смешно, в рационалах эта возможность присутствует постоянно), для будущих детей, для родственников, для здоровья. Это все обман. Свобода рождает желание становиться лучше, умнее, богаче. А подавленное, заплывшее жиром сознание стремится только сохранить то, что есть. В этом-то и есть ключевое отличие рационалистов и оппозиционеров.

Мой знакомый, Людвиг, как-то рассуждал в баре о том, как оппозиционеры хотят переехать в рационалы, но не имеют на это права. В тот момент мне пришла идея, что мы могли бы нелегально трудоустраивать мигрантов в рационалах. Тогда как раз был очередной виток «закручивания гаек» в рационалах, и с нелегальными переселенцами из свободных земель особо не церемонились. Это было вызвано тем, что во многих оппозиционах ситуация была, конечно, намного более печальная по сравнению с Петербургом: не хватало продовольствия, преступность и анархия захлестывали общество, жизнь становилась невыносимой. Жители этих секторов предпочитали свободе спокойное существование на территориях рационалистов. Последние, опасаясь провокационных актов со стороны мигрантов и не имея желания ассимилировать их растущий поток, принимали все более жесткие правила, вплоть до изоляции мозга, иными словами, переписывания памяти нелегалов.

В такой ситуации открывались огромные возможности для новоиспеченных предпринимателей, таких как я и Людвиг. Мы оба были выходцами из рационалов, работали в окологосударственных организациях. Я, ко всему прочему, имел полную статистику по миграционным потокам. Наша бизнес-идея казалась золотым дном.

Бизнес сразу начал обретать в моем мозгу четкие очертания: нам нужно было создавать в рационалах небольшие фирмы, которые в силу специфики жизни в спокойных регионах не приносили бы абсолютно никакой пользы. Организация дополнительных мест приложения труда, пусть даже дистанционно, поддерживалась правящей элитой, которая рассчитывала хоть как-то занять жиреющее и безынициативное население. Деятельность наших компаний должна была быть связана с оппозиционерами. Мы бы трудоустраивали мигрантов на должности консультантов и помощников – за большое вознаграждение для себя. Через пару лет компании разорялись бы, а все сотрудники по закону получали пожизненное содержание, пока им не найдут новую работу. Учитывая массовую безработицу и бессмысленность активных действий, которая никак не вредит высокому уровню жизни населения, новая работа у них должна была появиться не раньше, чем через десять лет.

Идея разбогатеть меня опьянила, поглотила мои мысли и разум, вытеснив оттуда все прочие переживания.

Было много рисков, которые меня смущали. Я знал, что такие идеи лучше держать в тайне, но решил все же посоветоваться с Лейлой. Она очень серьезно подошла к моим начинаниям:

– Это очень сложный проект. Ты уверен, что вы вдвоем сможете организовать такое сложное дело? Здесь нужно тщательно все продумать, до мелочей и иметь пути отхода. Ты стал настоящим оппозиционером! Такие идеи никогда раньше тебе и в голову прийти не могли.

– Ты, как опытный человек, можешь посоветовать, как обезопасить себя?

– Я давно завязала со своим прошлым и сейчас работаю, как ты знаешь, в испытательной лаборатории. Но у меня есть надежный человек, раньше мы много общались, возможно, он сможет помочь тебе.

– Ему точно можно доверять?

– В этом сомневаться точно не стоит, – уверенно заключила она. И как-то таинственно улыбнулась. Мне определенно нравилась моя сестра как человек уверенный и всегда имеющий в кармане неожиданный козырь. – Я поговорю с ним. Если он согласится, то я сведу вас, и остальное вы уже обсудите сами.

Улирих. Так звали бывшего коллегу моей сестры. Он не стал ничего рассказывать о своем прошлом, хотя я очень интересовался им: мне было важно понять, кто этот человек, которому я собираюсь открыть тайны, предполагающие серьезные наказания. Уже перед встречей я испытывал невероятное волнение, и когда я протянул новому знакомому руку, то испытал дрожь во всем теле. Мой голос был неуверенным и сиплым.

Я не знал, как начать разговор и задавал странные, ничего не значащие вопросы, думая, как же перейти к основному предмету нашей встречи.

– Лейла сказала, что тебе нужен деликатный совет, – он ухмыльнулся, подмигнул и, похлопав меня по руке, сел в кресло.

– Э-э... – замялся я сразу, резко отдернув руку. Нет, я не подумал, что он станет ко мне приставать, но я не любил этой фамильярной близости, особенно когда чувствовал себя в слабом положении. Мне вообще в первые минуты не понравился Улирих. Слишком слащавый, чрезмерно надменный, с сияющей улыбкой и нахальным взглядом. Типа победителя по жизни, всегда уверенного в своей позиции и готового ввязаться в любой спор, утверждая, что он прав. Но опыт показывает, что таких людей легче всего выбить из седла. Как только они встречают сильного оппонента, сразу теряются, быстро меркнут и начинают злиться, что все идет не по их сценарию. Не сильно надежны.

– Виктор, здесь тебе нужна помощь, – продолжил он говорить своим вкрадчивым голосом. – Ты же понимаешь, что я согласился прийти только из уважения к Лейле и в благодарность ей за то, что она сделала для этого мира. Ну что ты закрылся, как пуганный кот?

– Ну нет, – и я начал что-то неуверенно бубнить себе под нос, подыскивая правильные слова, чтобы как-то сгладить этот странный инцидент.

Улирих внимательно наблюдал за мной, как я догадался несколько позже, изучая меня и анализируя. Меня это бесило все больше и больше. Я уже пожалел, что вообще произошла эта встреча. Эти долбанные «психологи» пытаются типа «прочитать» человека, потом с умным видом делают глупые выводы и вам же навязывают свое о вас мнение. И вот такому человеку мне нужно было открыть свой тайный план.

– А что тебе уже рассказала Лейла? – прервал я затянувшуюся паузу в надежде, что он ничего не знает, и я смогу спокойно уйти, не раскрыв ровным счетом ничего.

Он откинулся поглубже в кресло и нажал кнопку: через обивку было видно, как массажные ролики начали разминать его шею и спину. Мы встретились в рядовой Пещере. Так называли небольшие заведения, где можно было за скромные деньги понежиться в сауне, пройти водные процедуры, посидеть в комнатах с обогащенным кислородом и попить полезные коктейли. В рационалах подобный набор есть почти в каждом доме. В оппозиционах это является роскошью для частного владения, зато подобное заведение располагается практически на каждом углу. Мы сидели в индивидуальной комнате, рядом никого не было, но нас могли подслушать, поэтому я немного оцепенел, когда мой новоиспеченный знакомый громко, не пытаясь приглушить голос, сказал:

– Вы ведь хотите заняться нелегальной эмиграцией? Затея интересная.

– Тсс... – начал я, и, наоборот, почти вылез из своей освежающей капсулы, чтобы придвинуться к Улириху как можно ближе. – Потихе.

– Брось ты. Чем более открыто ты будешь делать свое дело, если все же решишься, тем выше шансы на успех. Конечно, должна быть разумная предусмотрительность и осторожность.

– Скажи, а ты всегда так себя ведешь с незнакомыми людьми?

Он немного опешил, но потом опять улыбнулся:

– Виктор, ты слишком зажат. И оттого воспринимаешь окружающий мир неверно. Я тебе не враг, пришел сюда, чтобы помочь, так как я могу это сделать. Ты же сидишь и копишь в себе злость или еще какие эмоции. Если тебе не интересен мой совет, скажи это прямо, и мы не будем зря тратить время друг друга.

– Нет, я не это имел ввиду, просто тема очень щепетильная, – опять начал оправдываться я. – Я не готов был так сразу перейти к сути.

– И ты хотел поговорить о погоде, о новых работах и сестре... А за минуту перед уходом выпалить то, ради чего мы здесь?

– Не знаю...

– Зато я знаю одного человека, который поможет вам с открытием рабочих виз. Он живет здесь, в Петербурге. Если нужно, я поговорю с ним. Когда-то я с ним работал. На него можно положиться. Нужны будут имена, фамилии клиентов, названия компаний, куда они трудоустраиваются, остальное он сделает сам.

– Какой твой интерес?

– Помочь брату человека, которого сильно уважаю. Вашего нового компаньона я называть не буду. Я дам только его абонентский номер, куда отправлять информацию. Он сам будет сообщать, когда документы будут готовы. И естественно, куда переводить оплату.

– Кстати, за сколько вы хотите оказывать такую услугу?

– Пятьдесят тысяч местных.

– Ух. Это хорошие деньги. Я уверен, что трети этой суммы ему хватит, чтобы быть сильно мотивированным.

– Ему точно можно доверять?
– В этом можешь не сомневаться.
– Может нам стоит встретиться с ним для начала?
– Нет. Такие люди не склонны открываться. У него, поверь, рисков намного больше.
– Это меня и смущает, что нам придется работать с незнакомым человеком.
– В таком бизнесе всегда приходится с чем-то мириться. Неужели ты думал, что перевозить нелегалов – это как продавать хот-доги? Кстати, могу сказать, что это классная идея. Уверен, что клиентов будет много.

Поболтав еще немного, мы разошлись. Я ушел с чувством, что дело движется, но все же что-то мне не понравилось в этом Улирихе. «Если ему доверяет Лейла – значит, и я могу», – успокаивал я себя.

Дело сдвинулось с места. Первые три месяца были самыми тяжелыми. На каждом шагу мы сталкивались с новыми сложностями. Проблемы возникали в самых неочевидных процессах. Что казалось изначально самым простым, на деле оказывалось полной неразберихой. Как урожденный рационалист, в душе я тяготел к спокойствию. Тысячу раз мне хотелось все бросить и вернуться к своему привычному образу жизни: провизор, тусовки, встречи с друзьями. Только чувство долга перед самим собой, Людвигом и Лейлой, которая оказала немалое влияние на наше дело, толкало меня действовать дальше.

Людвиг, по своей натуре более склонный к быстрым решениям, вообще уволился и проводил большую часть времени в рационалах, создавая липовые компании. Он работал по пятнадцать часов в день. Никогда ранее я не встречал человека, который готов был отдаваться делу больше, чем он. Организация фитнес-прогулок, служба нянь, экстренная помощь роботам, служба собеседников для одиноких людей, экскурсионное бюро – и это лишь часть компаний, которые он открыл. Его задачей было подготовить всю инфраструктуру и встречать беженцев в рационалах, размещать их на первое время, обеспечивать всем необходимым.

В круг моих обязанностей входил поиск тех, кто собирается пересечь границу и при этом готов отвалить кругленькую сумму денег. Как оказалось, таких было совсем немного. Большинство людей, разочаровавшихся в свободной жизни, были совершенно бедны и не готовы платить и десятую долю суммы, которую мы просили: пятьдесят тысяч голдов в валюте оппозиционеров или тысячу поинтов в рациональной системе денежного исчисления. Сейчас цена уже немного изменилась, но тогда мы не готовы были переправлять товар (так мы называли людей) через границы за меньшие деньги.

Возникла еще одна большая проблема. Полиция сильно усилила контроль за нелегальными мигрантами, и в рационале за это можно было получить до десяти лет психотерапии. Все же понимают, что уже через год усиленной психотерапии человек теряет свое «я» и перерождается в самого праведного овоща, законопослушного и совершенно неэмоционального. А за десять лет... Лучше сразу смерть.

В оппозиционерах нет наказания за такую чушь, как помощь человеку сбежать от плохой жизни. Я, можно сказать, выбрал правильную сторону от границы. Но отказаться от посещения родителей был не готов и каждый раз, когда ездил к ним, все более опасался за свое сознание.

Людвиг был спокоен и, казалось, совсем не думал о возможных последствиях нашей затеи. Он, как бульдозер, шел вперед и часто обвинял меня в том, что я действую слишком осторожно, отчего у нас мало клиентов. Во время некоторых своих приездов в Петербург он сам искал потенциальных беженцев, скитаясь по бедным кварталам. Результата, правда, от его усилий не было.

Однажды начальник переправил мне отчет, который собрали социологи. Он шел под грифом «секретно». В нем были опубликованы более пятидесяти тысяч имен людей, которые в ходе опроса заявили, что с удовольствием покинули бы свободные земли и переехали бы в среднюю полосу (так называли бывшую территорию США и Канады, которая сейчас полностью находится под контролем рационалистов). Помню, как у меня затряслись руки и помутнело в глазах. Бинго! Даже если одна десятая часть из них имеют необходимую сумму денег, мы могли сразу разбогатеть и навсегда забыть о нужде.

Я забыл о риске и сразу скопировал информацию на мой провизор. Сказал руководству, что у меня заболела голова и быстро направился домой, чтобы спокойно изучить данные, перекинув их на автономный компьютер, не подсоединенный ни к одной общей сети и имеющий единственную связь – с таким же компьютером у Людвига. Даже в оппозициях за такое оборудование полагалось суровое наказание, но Людвиг убедил меня, что у нас их никогда не найдут. Да и работать по-иному возможности не было.

Дома я не сразу принялся за сортировку списка. Я был так возбужден, что меня всего трясло, мысли путались. Я постоянно прокручивал в голове, как сообщу эту новость Людвигу. Представлял его эмоции и радость. Наконец он не сможет мне сказать, что я ничего не делаю. Несколько раз я садился за модуль и разворачивал данные. Пролистывал, смотрел на них, но так и не смог углубиться в их изучение. Имена, личные данные, фото, описание жизни и наконец столбец с ответом на вопрос «Хотели бы вы переехать в рационалы?», и дальше – куда, почему, когда и так далее. Это была бесценная для меня информация.

Наконец я выбрал людей, чей доход составлял более пятидесяти тысяч голдов в год. Сердце замерло. Двадцать три тысячи человек. Двадцать три тысячи потенциальных клиентов! Совершенно разные люди, различных национальностей, с разными увлечениями. Женщины, мужчины, старики и дети богатых родителей. Мне нужно было пообщаться с ними всеми, предложить каждому свои услуги.

Я не смог сдержаться и передал Людвигу сообщение по защищенному каналу. Как потом мне говорил мой партнер, он из этого сообщения ничего не понял – я был слишком возбужден, но он сразу понял, что что-то произошло. Плохое или хорошее. В ответ он сделал видеовывод, что было очень странно. Ранее мы условились: никаких незащищенных контактов. Я ему сразу выложил, что произошло, добавляя через каждое слово, что мы выиграли джек-пот и скоро наше предприятие заработает по-настоящему.

К моему удивлению, радостная новость очень обеспокоила Людвига. Он, ничего не объясняя, лишь сказал:

– Ничего не предпринимай. Иди завтра на работу и пока забудь об этом файле. Я скоро приеду, и мы решим, как действовать дальше.

После он окончил разговор и вышел из сети. Даже на провизоре поставил статус «не беспокоить». Странное поведение моего приятеля сильно выбило меня из колеи. Он что, с ума сошел? Или просто не захотел показать, что я добился огромного успеха без его помощи? А может, он испугался? Или не доверяет мне? Боится, что я наделаю ошибок...

Той ночью я так и не смог уснуть, думая о невероятной удаче и странном поведении Людвига.

– Это огромный риск! – восклицал мой компаньон на следующий вечер в моей квартире. – Ты ищешь клиентов, светишься в различных кругах, и вдруг тебе в руки волшебным

образом прилетает секретный документ. Вспомни, были ли ранее такие данные у твоей фирмы? Можешь даже и не отвечать. Нет. Я чувствую здесь западню. Слишком все гладко.

– Мы можем проверить. Позвонить одному из респондентов и спросить, проводилось ли такое исследование. Предупредить десятки тысяч человек они точно не могли. Не такие мы опасные преступники.

– В чем сложность разослать сообщение по провизору своим агентам? – повысив голос, перебил меня Людвиг. Тем вечером я просто не мог узнать его: ворвался ко мне домой, без приветствия начал обвинять меня в безрассудстве, кричал, бегал кругами по комнате – одним словом, делал все то, что было ему совершенно не присуще.

– Людвиг, мне кажется, ты надумываешь. Зачем служителям общества (так в разговорах обычно называли полицейских и правительственные контролирующие органы в оппозициях) вообще нас ловить? Ты сам всегда говорил, что все только обрадуются, если пара миллионов бездельников уедут отсюда.

– А ты не думал, что это, возможно, тайная операция силовиков (секретные службы в рационалах)? Ты совсем не следишь, что ли, за новостями? Неделю назад опять ужесточили порядок пересечения границы. Теперь без специального приглашения ты даже одного дня не можешь провести в средней полосе. А если тебя ловят, то на промывку мозгов и обратно.

– Так зачем же ты так активно хочешь заниматься столь рискованным бизнесом? – не без доли иронии ответил я ему.

– Это выгодно. И все. И если делать все правильно, рисков нет. А вот агитировать людей из списка – сумасшествие. Я не верю в случайности и удачу. С рациональным молоком я понял, что ничего просто так не происходит.

– Тебя словно подменили.

– Да нет! – заорал он, чем начал злить меня. – Ты тупой, что ли? Не надо путать безрассудство и оправданный риск. Ты словно ребенок! Еще бы по провизору скинули тебе этот список. Ты бы и тогда поверил в удачу?

– Хватит, – я больше не намерен был слушать наезды. – Если это происки силовиков из рационалов, то мне не грозит опасности. Я как-нибудь переживу без поездок к родителям. Пусть и они меня когда-нибудь навесят. Экстрадиции нет и не будет. А тебе придется решать, будешь ли ты работать со мной или нет. С такой информацией я быстро найду себе партнера в средней полосе.

Людвиг не ожидал такого поворота. Лицо его вытянулось, губы округлились. Он пытался придумать, что ответить, но решил промолчать. Тогда мне даже стало его немного жаль, ведь Людвиг вложил в дело больше моего. Я имею странную черту: всегда быстро пасую после жестких выпадов. Но в тот момент мне было интересно понаблюдать за моим товарищем, чтобы узнать, что он предпримет в ответ. Я понимал, что если он уйдет, и я останусь один, то наше дело умрет. Еще одного компаньона Лейле вряд ли удастся найти. Одному мне не вытянуть такой объем работы, тем более, что основной риск лежит на том, кто работает в рационалах, а я туда не сунусь.

– Ну что ж, – наконец пробормотал он, оставаясь бледным и не поднимая взгляда от пола. – Я понял тебя. Ты готов рискнуть моей задницей, оставаясь в безопасности и отсиживаясь на теплой печи. Пожалуй, ты имеешь на это право. Только я прекрасно понимаю, что тебе в жизни не найти такого идиота, который согласится рисковать своей жизнью по ту сторону баррикад, – озвучил он мои мысли, отчего мне стало совсем не по себе.

– Э-э, – попытался я противоречить.

– Дай мне закончить. Ты уже все сказал. Таким образом, цена твоей информации без меня стремится к нулю. Далее. Если ты и найдешь себе нового идиота, который рискнет связаться с тобой, то какие гарантии, что он не сдаст тебя при первом запахе опасности? Готов спорить на свою жизнь, что, выбирая между мясорубкой мозга и предательством, мало кто останется

предан непонятному партнеру. Когда тебя вычислят, тебе станет и здесь не сладко. Свобода давно уже умерла и в оппозиционах. Не стоит слишком обольщаться. Итак, ты предлагаешь разойтись. Выйдя отсюда, я легко найду себе партнера, который согласится искать кандидатов для переезда и будет хоть немного отдаваться делу. В отличие от тебя. Через год я буду иметь уже довольно большое состояние. А ты нет.

– Людвиг, – его слова, в которых было много правды, остудили мой пыл, и я уже готов был сменить тон. Но что дальше? Былого доверия я этим не верну. Думать нужно было быстро. А мысли путались, и я просто мычал какие-то невнятные слова. – Ты не прав. С такой информацией я и сам справлюсь...

– Хорошо тебе, – он встал и, улыбаясь, подошел к окну. Он будто радовался тому эффекту, который произвела его речь. – Я продолжу работать с тобой. Но! – и он сделал многозначительную паузу. – На других условиях. Ты можешь и дальше отсиживаться здесь. Но мы с тобой теперь не будем иметь прямых контактов. Я не буду так рисковать. Я еще не решил, как именно все будет происходить, но сообщу тебе в ближайшее время. Это раз. Вся работа, вся, по подготовке к переезду теперь будет на тебе. А не только имя и ID в провизоре. Ты делаешь все в оппозиционе, а я уже встречаю клиента в рационале. Два. И наконец, моя доля составит 40 % против бывших 33 %. Это три. И теперь тебе решать, соглашаться со мной дальше работать или нет. И в отличие от тебя, я это говорю не просто так, не для театрального эффекта, а по-настоящему. Я не верю в твой список, поэтому терять мне нечего.

– И ты, естественно, будешь работать и с другими? – решил я снизить градус напряжения.

– Какая теперь тебе разница? У меня хватит времени на всех клиентов. Это я тебе гарантирую. Отвечай. Что ты решил?

– Мне нужно время.

– Нет. У тебя его нет. Ты предложил разойтись. Так вот, если я покину эту квартиру без договоренности, то считай, что мы с тобой видимся последний раз. А сидеть здесь я не намерен больше ни минуты.

– Окей. Я согласен. Только и ты не надейся, что все мои клиенты будут переправлены в рационалы с твоей помощью. С моими объемами ты не справишься. Мой контакт поможет.

– Твой? – эта фраза была брошена мне вызывающе, так как он знал, что этим я обязан моей сестре. – Договорились. Я сообщу тебе позже, как мы будем общаться, – он пожал мне руку, еще раз улыбнулся и ушел.

Не хочу здесь вдаваться во все подробности четырех месяцев, последовавших за нашим разговором. Это было очень трудное время. Я почти не спал и находился в постоянном стрессе.

Список оказался настоящим, не подставой и не западней. В него попали люди, которые действительно хотели покинуть оппозиционы. Однако далеко не все из них готовы были работать со мной. Многие очень пугались, когда я связывался с ними, боялись, что я являюсь оппозиционным служителем общества. Кто-то из них даже угрожал сдать меня и рассказать, что я агитирую их переехать в рационал. Но к таким фразам я привык довольно быстро. Вряд ли они пойдут в полицию, раз заявили, что сами недовольны сложившимся укладом.

Но что меня пугало больше всего, это то, что чем больше я общался с этими людьми, тем больше понимал, как сильно заблуждался, живя в рационале, насчет свободы, которая доступна людям в оппозиционах. Это лишь внешняя картинка. На деле люди намного больше связаны нуждой, бедностью, а также обязательствами и правилами, которые придумывают в микрокластерах. Так, например, в одном небольшом городке нельзя было выходить на улицу после шести вечера, а половину дохода необходимо было отдавать губернатору. Законы оппозиционеров дают

право в небольших городах устанавливать свои правила – с согласия большинства жителей. И даже если эти жители дали свое согласие под дулом пистолета, это мало кого волнует.

Я больше всего боялся мести этих губернаторов и тех, кто на них работает. Они очень не хотели терять умнейших «своих людей», а в списке были, как правило, именно такие. Они обладали какими-то деньгами, но фактически принадлежали своим господам. С такими людьми мне приходилось встречаться лично, вылавливать их во время поездок, потому что ехать в «частные города» было равносильно самоубийству. Я рискнул сделать это всего два раза.

В первый раз все прошло гладко. Я даже сразу увез с собой клиента, который в тот же день перевел мне нужную сумму денег и покинул свою родину. Вторая поездка прошла куда менее успешно. Этот городок находился в Северной Италии, недалеко от Милана. Италия одна из последних в Европе перешла под контроль оппозиционеров и поэтому здесь сложилась скорее смешанная система. Сохранился страх перед законами, но появилась полная свобода в их создании. Поскольку эта страна была свободной и достаточно близкой к Африке, сюда устремился поток беженцев почти со всего черного континента. На тот момент в африканских странах и речи не могло быть о свободомыслии. Только впоследствии Египет, Ливия, ЮАР и Мадагаскар смогли освободиться от гнета, в результате чего стали, так сказать, чем-то средним, наподобие Италии, только с еще более консервативным подходом.

В Италии, благодаря хорошему климату, осело огромное число людей, сделав эти территории самыми густонаселенными в мире. Нехватка продовольствия стала причиной бесконечных междоусобиц. Жизнь стала крайне небезопасной. Крупные города превратились в рассадники преступности. И вместо желанной свободы люди сами себя заточили, построив вокруг деревень и городков высоченные заборы.

В одном из таких городков правил семейный клан – выходцы из Алжира. Все жители фактически являлись их рабами и были обязаны выполнять любые поручения своих господ. Все доходы и сбережения считались собственностью правителей. А того, кто пытался что-то скрыть, незамедлительно казнили. При появлении в городе представителей центральной власти наступали минуты спокойствия. Но открыть рот и открыто пожаловаться никто не смел. Это было самое страшное преступление. Наказание ждало не только виновника, но и всех его родственников.

Да и Италия мало кого интересовала. «Свобода превыше всего! – отмахивались чиновники из Петербурга и Сингапура (крупнейшие и важнейшие города оппозиционеров), – Мы не единое государство, а содружество свободных земель, которые сами определяют свой государственный строй». Только вот люди мучились и страдали.

В один из таких городов я приехал под видом контролера. Как, впрочем, и во все остальные. На работе я договорился, что хочу сам лично проверить результаты наиценнейшего исследования и провести несколько личных интервью в «автономной работе». Такой работой мы называли режим провизора, при котором он принимает внешние сигналы, но передает их человеку только после активации нормального режима. Так же и с передачами. Человек как бы в сети, но общаться не может. Тогда я часто задумывался, почему нельзя вообще выключить этот странный прибор. При попытке его удаления из тела человек вообще умирает. И, несмотря на это, провизоры были и являются ценнейшими для нас всех аппаратами.

Руководству я объяснил это тем, что хочу сам составить идеальную программу развития социального образования населения. Они проглотили этот фейк, и теперь, ко всему прочему, я имел отличный повод для встреч с потенциальными клиентами и неограниченные командировочные расходы.

Меня сразу встретили местные старожилы, мимо которых в город не проходит не один человек, и отвели к своему начальнику. Африканец, лет сорока пяти, весь покрытый красными и желтыми татуировками, с разноцветными глазами и наголо выбритой головой сидел в огромной душной комнате. Весил он килограммов сто пятьдесят, не меньше.

Когда я вошел, он даже не поднял на меня глаза и продолжал копаться в старом планшетнике. Я таких даже в оппозиционерах не видел. Я сел на стул перед столом и стал ждать. Через минуту он поднял глаза и тупо уставился на меня. Я сразу понял, что он не говорит ни по-русски, ни по-английски, и уж тем более не знает китайского, так что придется общаться через провизора.

– Он всегда в автономном режиме, – начал он разговор на английском, как будто прочитав мои мысли.

– Это странно в современном мире, – ответил я дрогнувшим голосом, поддавшись небольшой панике. В голову пришла страшная мысль: «А что, если у них стоят глушилки, и я не смогу передать сигнал бедствия в случае опасности?»

– Странно, что кто-то приезжает проверять результаты пустякового опроса! – продолжал напирать он, почти не шевелясь и пристально пялясь мне в глаза.

– Такие порядки. Не я их придумываю. Я всего лишь слуга своей работы.

– Мы – свободные люди. Я не дам разрешения шляться тут попусту и отвлекать трудяг от работы.

– А вот это их дело, если они свободные люди, – попытался я быть дерзким. В противном случае мне никогда не позволят выполнить мой план. Я даже откинулся на спинку и закинул ногу на ногу.

– Вы там много мните о себе, – он стукнул кулаком по тяжелому старому столу. – Мы не лезем к вам, так и вас никто не ждет.

– Я могу сейчас же покинуть этот город. Но напишу в отчете, что мне запретили провести интервью. Боюсь, что через пару дней сюда приедет проверка, – выдумал я на ходу.

Ложь сработала. Его угрюмое лицо еще больше помрачнело. Я видел, как он звереет на глазах, но сдерживает себя. Допустить полномасштабную проверку ему совершенно не хотелось. Хоть и вряд ли что-то изменится, но лишние глаза здесь точно не нужны.

– Двоих. И точка.

– Четыре.

– Двое. И я сам выберу кого.

– Нет, – решил поторговаться я. Двое – это слишком маленькая вероятность, что моей услугой захотят воспользоваться. А риск приезда туда был очень высок. – Трое, и я сам выбираю. Это займет не больше часа, и больше обо мне вы никогда не услышите.

Жирдяй встал. Он оказался ростом более двух метров, отчего произвел еще более устрашающее впечатление. Я в тот момент думал, что он просто голыми руками свернет мне шею, хотел кинуться наутек, но совладал с тревогой и остался сидеть неподвижно. Только моя полная уверенность могла сломить противника. Все мои чувства обострились, и я с трудом сдерживал дрожь во всем теле.

– Выбирай двоих и катись отсюда!

– Хорошо. Дайте мне пять минут, и я скажу, с кем буду общаться, – я решил согласиться. – Но без свидетелей.

Жирдяй кивнул. Он думал, что сможет легко нас подслушать, но я все предусмотрел – всегда на такие интервью беру волнопоглотители. Ни один прибор, даже самый современный, в этом случае не может записать или передать разговор.

Я начал просматривать список опрошенных в этом городе, хотя сам уже прекрасно знал имена двух наиболее вероятных моих клиентов. Наконец я сказал: «Ник Хууруми и Боро Качински».

Имена вызвали у моего надсмотрщика легкую улыбку, которая оголила его кривые черные зубы, сделав его еще более страшным. Он позвонил по обычному проводному телефону и сказал что-то на неизвестном мне языке. Я разобрал только фамилию Качински. Положив трубку, он обратился ко мне:

– Они сейчас работают. Я не собираюсь отвлекать их от дела ради пустого треп. Будешь ждать, – а затем покинул помещение, оставив меня одного.

Я прекрасно понимал, что задержка обусловлена не загруженным графиком людей. Их сейчас активно готовят к разговору со мной, угрожают расправой с их родственниками. Будучи человеком совестливым, я подверг сомнению мой план, понимая, что тем самым я могу навредить этим людям, которые и так страшно страдают от жизни в столь убогом месте. Я представил, что их могут даже пытаться, предупреждая и намекая, чтобы не болтали лишнего.

Поговорить с первым респондентом мне удалось после двухчасового ожидания. За все это время ко мне ни разу никто не зашел. Только по тихим шагам за дверью я понимал, что обо мне не забыли, а, даже наоборот, готовятся к основному действию.

Наконец дверь отворилась, и в комнату вошел мужчина на вид сорока-сорока пяти лет. Сгорбившись и не произнося ни слова, он прошел по комнате и сел в противоположном углу. Исхудавшее лицо и мешки под глазами он пытался прикрыть свето-пудрой, изобретением уже, наверное, пятидесятилетней давности, которая должна была придать коже здоровый цвет. Но, скорее всего, она была просрочена, отчего вместо волшебного эффекта только подчеркнула недостатки внешности.

– Меня зовут Боро Качински, – представился он на русском языке без акцента.

Я не сразу ответил. Разглядывая мужчину, я принял его за Ника Хууруми, поскольку Нику недавно стукнуло сорок три, а Боро еще не было и двадцати пяти лет. Как же он чертовски плохо выглядел для своего возраста! Серые потухшие глаза, волосы, напоминающие солому, горбатая спина.

– Очень приятно познакомиться, – продолжил я разговор, забыв представиться. – Вы знаете, зачем я здесь? – и тут же осекся, поскольку вспомнил, что не включил волнопоглотитель. Я быстро залез в карман и нажал кнопку на приборе. Хотя я и решил окончательно отказаться от своей цели, но совсем не хотел, чтобы эти ублюдки слышали наш разговор.

Он покачал головой:

– Нет. Удостовериться, что у нас все хорошо?

– Боро, можете говорить откровенно. Они нас не слышат. Уверю вас, – мне стало жаль этого парня. Он, как и я, хотел лучшей жизни, принял участие в опросе, пока был в поездке. А теперь появляюсь я и все порчу. Вместо счастливого будущего теперь его ждет далеко не лучшая участь. Мне хотелось как-то загладить свою вину, но я не знал, что придумать.

– И что? Здесь невозможно врать. Кому, как не вам, знать, что только я выйду за эту дверь, мой мозг еще раз насквозь просканируют и все равно узнают то, что я сказал вам... – он тяжело вздохнул. – Хотя теперь это уже не имеет значения. Они знают, что я скопил денег и хотел сбежать. Мои часы сочтены. И никто в этом мире не сможет мне помочь. Даже вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.